

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

А.В. КИВА

Тернистый путь к самопознанию

Россия – одна из немногих развитых стран, в которых до сих пор идут жаркие дискуссии по таким вопросам, как: кто же мы – многонациональный российский народ? каковы наши сильные и слабые стороны? что запряжено в нашем архетипе (коллективное бессознательное)? что мешает России непрерывно накапливать национальный потенциал, с каждым новым годом, десятилетием, столетием становиться мощнее, цивилизованнее и богаче? В чем причины: только ли в нашем сложном геополитическом положении, провоцирующем внешних врагов, зарящихся на наши национальные богатства? Или в имманентной враждебности Запада, откуда к нам пришли не только тоталитарные идеи, но и две мировые войны? А может быть, причины в чем-то другом?

На эти вопросы, в частности, пытались ответить участники весьма представительного форума "Отношения России и Запада", организованного фондом "Единство во имя России" и проходившего в Москве в июле 2006 г. Так, докладчик Ю. Лужков начал с цитирования близкого славянофилам философа И. Ильина, некогда сказавшего: «Мы знаем, что западные народы не понимают и не терпят русского своеобразия. Они испытывают единое русское государство как плотину для их торгового, языкового и завоевательного распространения. Они собираются разделить российский "веник" на "прутики", переломать эти прутки поодиночке и разжечь ими меркнувший огонь их цивилизации. Им надо расчленив Россию, чтобы провести ее через западное уравнение и развязывание и тем погубить ее» [Материалы... 2006, с. 3]. Во многих выступлениях высказывалась мысль, что Запад не понимает Россию, не хочет видеть ее сильной и боится ее.

До Ильина нечто подобное говорили и идеолог панславизма Н. Данилевский, и критик-народник Н. Анненский, и многие другие. Не могу не упомянуть при этом слова В. Познера: "...почему все-таки Запад в нашем традиционном понимании плохо относится к России, и давно плохо относится? Так было всегда или почти всегда – читали мы Дж. Флетчера, английского посла при Иване Грозном, или гораздо позже посетившего нашу страну маркиза де Кюстина. Откуда это постоянство? Они что, тогда тоже боялись России, тоже не хотели видеть ее сильной? Или за этим стоит нечто более серьезное, более труднообъяснимое?.. Откуда наша уверенность в том, будто они нас не понимают, а вот мы-то понимаем их отлично? Почему мы считаем, что наше понимание их – правильное, а их понимание нас – неправильное? И как можно рассчитывать на разговор на равных, если мы заранее говорим, что вы нас не понимаете, а мы вас понимаем?" [Материалы... 2006, с. 45].

Кива Алексей Васильевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Представляет интерес и постановочный тезис Лужкова: «Отношения России и Запада сегодня точнее всего характеризуются одним словом – недоумение. Это недоумение взаимно, однако его первопричина коренится в той шумной растерянности и суетливом беспокойстве, которые столь явно прослеживаются в последнее время в реакции стран Запада на происходящее в России. За этой нервной реакцией стоит еще и вековая история. Несмотря на несомненную принадлежность России к европейским нациям, несмотря на ее развитие не только в контексте, но и в постоянном соучастии европейской истории и культуры, Европа ("мать" современной западной цивилизации) традиционно испытывала к нашей стране смесь тяготения и страха. Оба эти европейские чувства проистекают не только из завораживающего хоть на карте, хоть в действительности "географического" ощущения соседства с обширной, необъятной и суровой территорией России. Из подобного пространственного ощущения вырастает иногда смутное, а порой и вполне отчетливое понимание того, что "мы рядом и мы вместе, но мы не есть одно и то же"» [Материалы... 2006, с. 4].

Итак, Лужков считает, что Россия принадлежит к европейским нациям. Хотя во время работы указанного форума высказывались и другие точки зрения. Например, И. Бунин напомнил о существовании двух точек зрения. Одна сводится к тому, что мы – европейская цивилизация, которая в силу исторических причин сильно отставала от Запада и стремится его догнать. Иначе говоря, "догоняющая цивилизация". Другая – что мы отдельная, евразийская цивилизация. Сам же Бунин считает, что Россия и Запад – родственные цивилизации, их общая основа – христианство [Материалы... 2006, с. 51–53]. Проблема, однако, в том, что есть западное христианство и восточное христианство в лице православия, и у них есть не только общее, но и особенное.

А мы-то сами себя понимаем?

Что же нами движет? Почему мы так часто совершаем фатальные ошибки и даже на время как бы выпадаем из истории? При этом мы не можем даже дать адекватные ответы не только на глубинные причины ошибок, но и на многие жгучие вопросы. Например, почему не мы, а родственный нам по коммунистическому прошлому и отсталый по сравнению с нами Китай сумел найти менее болезненный путь расставания с коммунизмом? Ничего не разрушая, не устраивая несправедного передела собственности, созданной предыдущими поколениями, а накапливая новое богатство.

За период, равный нашим постсоветским реформам, Китай увеличил ВВП, промышленное производство и благосостояние граждан во много раз, а мы по этим показателям не достигли даже дореформенного уровня. Наши страны как бы меняются местами. Китай на всех парах движется по пути развития промышленного производства и высоких технологий, а мы скатились на позиции сырьевой периферии и по факту допустили дезиндустриализацию страны и немало преуспели в ее дезинтеллектуализации. По коэффициенту интеллектуального развития, уровню грамотности, по числу научных открытий и, главное, по состоянию самой науки и научно-технической инфраструктуры мы уже далеки от лидеров. Во многих сферах даже отстаем от Китая. Например, как считает Н. Михайлов, доля в мировом экспорте информационного оборудования Китая составляет около 5%, а России – 0,2%. Доля готовой продукции в экспорте Китая в 2006 г. составила 91% и только 9% – необработанное сырье, у нас же сырье было основной статьей экспорта, как у самых отсталых стран [Кива, 2007]. И это несмотря на огромные доходы от экспорта энергоносителей и наличия беспрецедентно больших для нашей страны валютных резервов.

Многих людей, болеющих за судьбу страны, не может не беспокоить, почему наше историческое развитие идет не по восходящей, как у большинства других народов, а какими-то зигзагами, скачками? За взлетами следуют падения, топтание на месте, а то и попятные движения. Едва ли не на каждой исторической развилке мы принимаем худшее судьбоносное решение. И почему в XX в. у нас произошли четыре революции и две смены вектора общественного развития? Такого не было ни в одной сколько-ни-

будь цивилизованной стране. Февральская революция 1917 г. могла бы стать последней, если бы страна вышла из войны и если бы Временное правительство, не оттягивая созыва Учредительного собрания и даже не дожидаясь его, выдвинуло программу решения хотя бы только земельного вопроса, который на деле был ключевым вопросом русских революций.

В связи с 90-летием Февральской и Октябрьской революций СМИ, и в частности "Литературная газета", много внимания уделили этим двум событиям. Не со всеми авторами можно согласиться, особенно с теми, кто на деле оправдывают царский режим (и даже царский двор) и отказывают народу в праве на революцию или видят ее причину в заговоре некоей "мировой закулисы" и пр. Думаю, правы те, кто напоминают: Февральская революция дала стране свободу, за которую боролись (и гибли в застенках) лучшие люди многих поколений. В частности, были узаконены такие свободы, которых еще не было в большинстве стран Запада, – политические и социально-экономические права женщин, устранение дискриминации по национальным, расовым и религиозным признакам, свобода совести и пр. При этом молодой российский капитализм объективно имел еще огромный потенциал для своего развития и доказал это своим быстрым ростом в предвоенный период. Да, были и препятствия на пути дальнейшего прогресса, но их можно было устранить без ломки экономического строя.

Если бы не крайний эгоизм советской номенклатуры, и прежде всего высшего партийного руководства, стремившегося пожизненно править, наверняка удалось бы предотвратить и четвертую революцию 1990-х гг. (соответственно, и распад великой державы), начавшуюся как демократическая, но быстро переросшую в криминально-олигархическую. Для этого нужно было своевременно приступить к модернизации страны, как это уже делал Китай.

Нынешний правящий класс, увы, не умнее предыдущих, только еще более эгоистичный и циничный. И может так случиться, что в будущем вопрос об отнятой у народа собственности станет таким же революционизирующим фактором, каким в старой России был вопрос о земле, и нас, не дай бог, постигнут очередные социальные потрясения. Стоило бы прислушаться к руководителю Центра развития информационного общества И. Юргенсу, сказавшему: "В обществе не достигнуто согласие по поводу справедливости приватизации и раздела собственности. Даже если права собственности будут 100 раз гарантированы законом, в глазах населения они не станут священными" ("Московский комсомолец", 4 мая 2007 г.).

Революция – не выбор между хорошим и плохим. Это спонтанный выброс наружу недовольства народа, накапливаемого десятилетиями, а то и столетиями существующим порядком вещей. И чем дольше это недовольство копится, тем яростнее оно проявляется. Революция – это стихия. Никто ее не готовит, а чаще всего и не предвидит. Большевицкий переворот неправдоподобно легко произошел лишь потому, что для него царским режимом была щедро удобрена почва. В. Ленин, проживая в Швейцарии, в самый канун Февральской революции сетовал на то, что при его жизни царское самодержавие не будет сломлено.

Только в России, как в никакой другой стране, цена революции страшно велика. Это уничтожение или в лучшем случае вытеснение на задворки общественной жизни и из страны элиты, а то и всего культурного слоя, массовая гибель людей, разорения и т.д. И это приводит не к накоплению национального потенциала, а к его обеднению от революции к революции. Как отметила академик Т. Заславская в газете "Аргументы и факты" (№ 14, 2006 г.), "громадное влияние на особенности российского общества оказывает генофонд. За XX век пережиты три революции, гражданская война, пять войн, три волны эмиграции и три волны репрессий. Самые активные и талантливые уезжали, погибали. Прорезивать грядки хорошо, но, если элитный сорт вырываешь, а сорняки оставляешь, какое поле получится?"

Юргенс, в свою очередь, считает: "В целом наши проблемы упираются, к сожалению, в нерастущий уровень интеллектуальных возможностей, человеческого капитала. Мы раскатываем очень тонкий интеллектуальный слой по очень большой терри-

тории" ("Московский комсомолец", 4 мая 2007 г.). Скорее всего, этот слой еще больше будет утончаться, ибо, по оценке С. Капицы, данной им в 2005 г., "Россию покинуло почти 150 тысяч талантливых ученых" [Капица, 2005, с. 19]. А еще из страны уехали немало талантливых математиков, инженеров и других специалистов. Утечка умов продолжается.

Только "экономика будущего" – похоже, не то, что интересует нынешний правящий класс, тесно сросшийся с интересами сырьевой олигархии. У него, судя по всему, нет и стратегического мышления, коль скоро он предпочитает вкладывать средства не в "экономику будущего", не в человеческий капитал, а в престижные проекты, индустрию туризма и развлечений, и пр. Огромные средства, получаемые за счет природной ренты, вывозятся из страны и банально проматываются.

Есть пророки в своем Отечестве!

Мы живем традиционно бедно, убого, являемся, по словам Г. Павловского, "единственной бедной частью белой расы" [Материалы... 2006, с. 47], бросаемся из крайности в крайность, теряя при этом накопленный многими поколениями потенциал; то вдруг возлюбим, то возненавидим Запад и все жалуемся на то, что он нас не понимает и не любит, и никак не можем определиться по части своей национальной идентичности. Эти метания имеют глубокие корни, давно, однако, вскрытые выдающимися русскими мыслителями и в художественных образах отраженные в русской классической литературе. Строки Ф. Тютчева "умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить: / У ней особенная стать – / В Россию можно только верить" стали символом всех дискуссий о путях развития страны.

Первым в России открыл страницу самопознания П. Чаадаев. Его первое "Философическое письмо" вызвало шок в российском образованном обществе, неодобрение части его друзей и страшный гнев Николая I. Как писал Н. Бердяев, "это было пробуждением самостоятельной, оригинальной русской мысли. Известны результаты этого пробуждения. Правительство Николая I ответило на эти пробуждения мысли объявлением Чаадаева сумасшедшим... Он принужден был умолкнуть" [Бердяев, 1990^б, с. 71–72].

Чаадаев сказал много нелицеприятного для русского правящего класса и даже для национального сознания. Во-первых, что развитие России идет не совсем так, как в других странах: не столько по восходящей, сколько по кругу и имеет прерывистый характер: "Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда... Мы воспринимаем только совершенно готовые идеи... Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед по кривой, т.е. по линии, не приводящей к цели... Опыт времен для нас не существует" [Чаадаев, 1991, с. 326, 330].

Во-вторых, Чаадаев отмечал нашу склонность к некритическим заимствованиям, "к слепому, поверхностному, очень часто бестолковому подражанию другим народам... не нелепость ли господствующее у нас предположение, будто прогресс народов Европы, столь медленно совершившийся и притом под прямым и явным воздействием одной нравственной силы (христианства. – А.К.), мы можем себе сразу усвоить, даже не потрудившись узнать, как он совершился?" [Чаадаев, 1991, с. 327, 332].

В-третьих, Чаадаев утверждал, что "мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого" [Чаадаев, 1991, с. 232]. В-четвертых, он высказал немало не только спорного, но и неверного, обидного не только для правящего класса, но и для народа в целом. Например, о том, что мы принадлежим к тем народам, "которые как бы не входят составной частью в род людской,

а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру" [Чаадаев, 1991, с. 326].

Бердяев, однако, считал, что в мертвенную николаевскую эпоху Чаадаев своим письмом, с одной стороны, бросил вызов деспотическому режиму, а с другой – призвал образованные слои общества к дискуссии о том, кто мы есть и каково наше будущее. Он на деле верил в силы русского народа, но считал, что они "не были актуализированы в его истории, они остались как бы в потенциальном состоянии" [Бердяев, 1990^б, с. 73].

Первое "Философическое письмо" оказало колоссальное влияние на общественную мысль России, и одним из его результатов стало появление в стране западников и славянофилов. За исключением отдельных спорных и ошибочных положений, его основополагающие мысли дали старт плодотворным дискуссиям в передовых кругах российского общества и на века опередили свое время.

Живший уже в другую эпоху Бердяев в чем-то развил гениальные положения Чаадаева, а в чем-то был и новатором. Во-первых, он на основе нового исторического материала подтвердил некоторые гениальные мысли (прозрения) Чаадаева. Во-вторых, достаточно обстоятельно вскрыл причины нашего болезненного исторического развития, на которые указывал Чаадаев. В-третьих, высказал целый ряд мыслей, которые объясняют причины наших фатальных ошибок в прошлом и возможного их повторения в будущем. Наконец, Бердяев призвал искать причины наших неудач, прочетов, провалов, фатальных решений не только в качестве вождей, но и в ментальности и психологии народа, в особенностях его архетипа (коллективное бессознательное).

Если конкретизировать, то Бердяев указал на причины того феномена, что мы как страна и как социум, в котором русский народ всегда играл решающую роль, не дорожим прожитым, легко от него отказываемся, постоянно хватаемся за что-то новое, приходящее к нам из Европы, и вообще как бы ходим по кругу. Чаадаев видел причину в культуре, заимствованной у европейцев. Бердяев пошел дальше. "Русский народ, – утверждал он, – по своей душевной структуре народ восточный. Россия – христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада и в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи. Историческая судьба русского народа была несчастной и страдальческой, и развивался он катастрофическим темпом, через прерывность и изменение типа цивилизации... В истории мы видим пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую советскую Россию" [Бердяев, 1990 г., с. 1]. Сегодня мы имеем еще одну Россию – постсоветскую, которую даже трудно охарактеризовать.

Теперь о "загадочной русской душе". "Противоречивость и сложность русской души, – подчеркивал Бердяев, – может быть, связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Восток-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное. Есть соответствие между необъятностью, безграничностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной" [Бердяев, 1990^б, с. 44].

Эту точку зрения разделяют и наши современники. Так, в одном из интервью писательница и телеведущая Т. Толстая (внучка А.Н. Толстого) сказала: "Что было со славянами раньше, не ведает ни одна душа, а затем молодой нации почти сразу сделали две прививки: варяжскую, и немедленно – не успели вздохнуть – татарскую. Что вы хотите, если наша душа разорвана между Западом и Востоком?" А на вопрос, как долго это будет продолжаться, последовал такой ответ, который может позволить себе только художник: "Долго: голова будет петь и кукарекать, а хвост волочиться. Критическая масса, которая называется то электоратом, то публикой, то толпой, то народом, то телезрителями, в зависимости от того, кто там захочет ею манипулировать

вать, не дает и не даст никогда нам стать ни западной, ни восточной державой" [Толстая, 2007, с. 44–45]. Печальный вывод, но действительность его пока не опровергает.

В поведении русского народа, по Бердяеву, огромную роль играет сложившийся в ходе частых смен типа цивилизаций особый архетип, сказывается и влияние православия. С одной стороны, полярность мышления, отсутствие, как он выражается, срединной культуры, а с другой – тяга к окончательному и абсолютному (что, по его мнению, идет от православия). У России "нет дара создания средней культуры, и этим она действительно глубоко отличается от стран Запада... Здесь тайна русского духа. Дух этот устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем; к абсолютной свободе и к абсолютной любви. Но в природно-историческом процессе царит относительное и среднее. И потому русская жажда абсолютной свободы на практике слишком часто приводит к рабству в относительном и среднем и русская жажда абсолютной любви – к вражде и ненависти" [Бердяев, 1990^в, с. 32].

Это можно подтвердить многочисленными примерами уже из нашей жизни. Идея коммунизма – стремление к окончательному, абсолютному. Ленин с неистовством обличал западную социал-демократию за то, что она борется за "крохи с барского стола" вместо того, чтобы бороться за установление диктатуры пролетариата как условие кардинального и окончательного решения социальных и иных проблем бытия. Из этого же ряда и идея Н. Хрущева построить коммунизм за 20 лет, и намерение М. Горбачева и его окружения окончательно и бесповоротно, а главное, одним махом решить проблему пьянства и алкоголизма.

Стремление к абсолютному и практическая его неосуществимость неизбежно рожают полярность в мыслях и действия от противного. Социализм не оправдал себя в глазах большинства, значит "давай капитализм", причем капитализм "самой главной" капиталистической страны – США. При наличии "средней культуры" мы бы, скорее всего, пошли по пути трансформации реального социализма в социализм социал-демократического типа. Его идеальный образец – скандинавский, или шведский, социализм.

Бердяев многие казусы в российской жизни объясняет нашим редким умением сочетать несочетаемое и не видеть причинно-следственных связей. Для русских, говорил он, характерно совмещение и сочетание антиномических, полярно противоположных начал. Особенно это проявляется в отношении народа и власти. С одной стороны, в народе никогда не считали власть своей и относились к ней и государству по принципу "мы" и "они". Что и неудивительно, поскольку власть состояла из иноземцев и крепостников и традиционно по-хамски относилась к народу, считая его быдлом. Забегая вперед, отмечу: даже когда она формировалась из простолюдинов, то вела себя сходным образом и даже хуже. И большевики, и далекие от аристократов радикал-либералы "ельцинской волны" нередко вели себя по отношению к собственному народу, как завоеватели. Видимо, тут сказывается не только византийское наследие (о котором весьма нелюбезно отзывался Чаадаев, называя Византию растленным государством), но и наше рабское прошлое: раболепие по отношению к вышестоящему и хамское отношение к нижестоящему.

С другой стороны, виновным в своих бедах народ считает кого угодно, но только не высшее руководство. "Народ всегда считал крепостное право неправдой и несправедливостью, – заключает Бердяев, – но виновником этой несправедливости он считал не царя, а господствующие классы, дворянство. Религиозная санкция царской власти в народе была так сильна, что народ жил надеждой, что царь защитит его и прекратит несправедливость, когда узнает всю правду" [Бердяев, 1990^г, с. 14]. Однако эта санкция оставалась в силе до тех пор, пока царь "был суров, но справедлив"; лишь после Кровавого воскресенья 9 января 1905 г. она была основательно подорвана.

Аналогичный сюжет можно усмотреть и в том, что репрессированные с ведома И. Сталина или по его прямому указанию большевистские лидеры почти все верили, что как только "товарищ Сталин узнает всю правду", он распорядится их освободить и сурово накажет виновных. Это говорит о том, что царистские настроения в широких

массах переросли в вождистские, и десакрализации высшей власти как таковой не произошло. Многие из нас заблуждались на этот счет. Я, например, считал благом для демократического будущего страны то, что и Президент СССР Горбачев, и Президент РФ Б. Ельцин не подходили для того, чтобы корыстолюбцы, разного рода холопствующие и лакействующие субъекты, коих у нас немало было во все времена, создавали им культ личности. Казалось, что эта страница в нашей истории уже перевернута.

Но мы заблуждались! Очевидно, период плюрализма мнений, гласности, ельцинской "анархо-демократии", незрелой многопартийности и полусвободных выборов был слишком коротким, чтобы тот феномен, на который указывал Бердяев (русский народ "хочет не власти, а отдания себя власти, перенесения на власть всего бремени" [Бердяев, 1990^В, с. 17]), ушел в прошлое. Мы в своем большинстве пока остаемся подданными, но не гражданами. Граждане – не объект, а субъект политического процесса, и за кандидатов в органы государственной власти голосуют не сердцем, а головой. (Мы не прошли исторического этапа рационализации национального сознания, и рациональное начало у нас часто вытесняется эмоциональным.) Нам легко навязать как экономический строй, который отвечает интересам не большинства, а меньшинства, так и политическую систему, при которой наши права и свободы сводятся к одобрению того, что исходит сверху.

Бердяев предупреждал: безвластное российское общество не будет ощущать своей ответственности за судьбу страны, и это уже дважды имело место в XX в., когда историческая Россия распадалась. Об этом же говорил и философ Г. Федотов в опубликованной в 1929 г. в Париже статье "Будет ли существовать Россия?" [Федотов, 1990, с. 452].

Легенда гласит, что пророк Моисей, который вывел еврейский народ из египетского плена, 40 лет водил его по пустыне до тех пор, пока не подрастут два поколения свободных людей. У нас "российского Моисея" не оказалось. И стоило появиться в кресле президента обаятельному, молодому, здоровому, энергичному, грамотно изъясняющемуся В. Путину – прямой противоположности старому, больному и косноязычному Ельцину, как тут же в народе стали создавать ему культ не без активного участия интеллигенции.

Налицо тот парадокс, о котором говорил Бердяев. Народ в массе своей считает себя ограбленным, недоволен жизнью, царящим в стране бедламом, постоянно сталкивается с несправедливостью и произволом, не доверяет ни правительству, ни парламенту, ни партиям и верит только президенту Путину. Почему-то большинству наших граждан и в голову не приходит самая простая мысль: либо наш президент, сосредоточивший в своих руках практически всю полноту власти, на деле не располагает свободой действий, и кто-то навязывает ему сомнительную кадровую политику и не менее сомнительный для страны социально-экономический курс (что кажется не только неправдоподобным, но и оскорбительным для главы государства), либо правительство и парламент проводят именно его, Путина, политику, пусть даже выработанную его окружением (по принципу "свита делает короля"), и проводят не совсем так, как он хотел бы.

К предупреждениям мыслителей надо относиться серьезно

Чаадаев проник в алгоритм нашего исторического развития (возможно, заложенный в нашем архетипе, или "генетическом коде"), которое идет не по спирали, а как бы по кругу и не приводит к искомой цели. И доказательством является то, что в 1917 г. мы отрунули капитализм в пользу социализма, а в 1991 г. сделали все наоборот. Причем возврат страны к периоду первоначального накопления капитала не имеет никакого рационального объяснения, поскольку естественный путь к рыночной экономике лежал через государственный капитализм. Можно предположить, что в обоих случаях мы, с одной стороны, действовали от противного, а с другой – стремились реализовать у себя модели общественного устройства, рожденные на Западе, то есть шли от К. Маркса к М. Фридмену.

Стремление все лучшее заимствовать только на Западе (причем именно в готовом виде!) настолько глубоко сидит в подсознании наших западников (кои, напомню, были и большевики), что они даже не потрудились поинтересоваться, как осуществляется переходный период в наиболее продвинутых странах Востока. Например, в Южной Корее, да и в Китае реформы уже дали потрясающие результаты, а Индия продемонстрировала оптимальный вариант приватизации и финансовой реформы.

Но если у нас на подсознательном уровне существует алгоритм "действия от противного", то это должно насторожить и власть и все общество. Коли у нас будут существовать нищета и неблагополучие, социальная и духовно-нравственная деградация, в то время как число миллиардеров и миллионеров постоянно растет, ажитое по большей части несправедливым путем богатство вызывающе нагло себя демонстрирует, то мы не застрахованы от того, что при первом глубоком кризисе наш народ захочет вернуться в реальный социализм. В коллективной памяти многих граждан он остался не то чтобы раем, но жизнью с гарантированной "пайкой", какой-никакой крышей над головой, возможностью иметь работу, учиться и худо-бедно лечиться, без нынешних социальных контрастов, социальных язв, без нынешней неуверенности в будущем.

Но мы не только в истории ходим по кругу, мы вновь и вновь повторяем одни и те же ошибки. Не обязательно зеркально, а типологически. Почти в самый канун войны с нацистской Германией Сталин уничтожил две трети самого талантливого и опытного командного состава, в результате чего мы на первом этапе войны понесли колоссальные потери. А в наше время, когда наука поистине стала производительной силой и когда в мировом масштабе продукция высоких технологий по стоимости превосходит все то, что дают полезные ископаемые и сельское хозяйство вместе взятые, мы практически потеряли большую науку, которую уже никогда не возродим.

Напрашивается и другая аналогия. Избежавшие репрессий военачальники (К. Ворошилов, С. Буденный и др.), неплохо проявившие себя в годы гражданской войны, слабо представляли характер будущих сражений, слагаемые победы над потенциальным противником. Это тоже одна из причин наших колоссальных потерь во Второй мировой войне. Ныне наши военачальники делают упор на ракетно-ядерную составляющую, основной костяк которой был создан в СССР много десятилетий назад, и полагают, что достаточно своевременно ее модернизировать, чтобы обеспечить стране безопасность, причем на многие годы. Однако наши крупные ученые пренебрегают от подобного рода заблуждений. В последние годы в развитых странах, и в первую очередь в США, наука так далеко шагнула вперед, что появилась возможность создания принципиально новых видов оружия массового поражения.

Бердяев указывал на живучесть в нашей жизни феномена хлестаковщины как чисто русского явления. Бахвальство нашей военной мощью дало о себе знать в начале XX в., в войне с Японией, и дорого нам стоило на первом этапе борьбы с немецким фашизмом. А сейчас, когда по ВВП мы уступаем Западу примерно в 30 раз, а по промышленному и научно-техническому потенциалу и того больше – оно тем более неуместно. Как говорит Юргенс, «бюджет ЦРУ и всех сестринских западных спецслужб превышает ВВП России. Если аналитики из всех этих структур "сложат свои мозги", они могут придумать нечто, чего мы сейчас даже представить себе не можем» ("Московский комсомолец", 4 мая 2007 г.).

Так кто мы такие и чем опасны для самих себя?

Первое. Так кто же мы, россияне, и прежде всего русские, – европейцы или азиаты? Как мне видится, ни те и не другие. Но одновременно и те, и другие. А еще и третьи. Культура европейская, ментальность скорее восточная, чем западная. Но есть и чисто русские черты. Это особый этнос. Для удобства можно считать нас евразийцами. Как писал Бердяев, «в душе русского народа остался сильный природный элемент, связанный с необъятностью русской земли, с безграничностью русской равнины. У русских "природа", стихийная сила, сильнее чем у западных людей... Элемент природно-языче-

ский вошел и в русское христианство. В типе русского человека всегда сталкиваются два элемента – первобытное, природное язычество, стихийность бесконечной русской земли и православный, из Византии полученный, аскетизм, устремленность к потустороннему миру» [Бердяев, 1990 г., с. 8].

Но ведь в России живут не только славяне, но и тюркские, и многие другие восточные народы. Так зачем нам отрекаться от самих себя и стремиться интегрироваться в европейское сообщество, где нас не ждали и не ждут? Откуда появилась идея "догоняющего развития", которая неизбежно рождает комплекс неполноценности и оборачивается то любовью, то ненавистью к Западу? На деле мы не можем и не должны, не потеряв самих себя, становиться такими же рациональными, как немцы, французы, англичане и пр. Да и никогда не станем! У нас совершенно другое историческое место в семье народов, другой этногенез, соответственно, другой строй мыслей, другие ценности, другой подход к жизни. Наконец, иной климат, рождающий иную этику и эффективность труда.

Впрочем, никогда не станут такими же, как европейцы, корейцы, китайцы, индийцы. Разница, однако, в том, что эти народы гордятся тем, что они такие, какие есть, причем ничем не хуже, чем европейцы. Мы же, похоже, стыдимся своей родословной. Особо подчеркну: вначале японцы, а затем корейцы, китайцы и др. стали заимствовать на Западе в различных сферах бытия столько, сколько мы никогда не заимствовали. Но при этом они ни на йоту не отказывались от своей культуры, своих традиций, своих святынь, культов, образа жизни и пр. И это рождает национальное самоуважение.

Сейчас центрами мирового притяжения все еще считаются Европа и Северная Америка, а что будет через 30–50 лет? По прогнозам серьезных экономистов, в недалеком будущем крупнейшими экономическими и научно-техническими центрами, наряду с Китаем, станут Индия и Бразилия.

Уже одно это должно заставить нас отказаться от идеи интеграции в Европу в пользу интеграции в мировое цивилизованное сообщество, в котором почетное место уже занимают и наиболее продвинутые азиатские и латиноамериканские страны. Но так получилось, что мы по традиции лихорадочно стремимся приобщиться к западному миру, при этом торопимся, плохо просчитывая или совсем не просчитывая возможные последствия принимаемых решений. В годы правления Ельцина даже страну стали реформировать по американской модели при непосредственном участии американских советников. И в результате не только не приобщились к западному миру, но еще больше удалились от него по уровню развития, жизни и цивилизованности. Сто раз верна истина: не изменяй самому себе!

Занимая исключительно выгодное геополитическое положение на стыке Европы и Азии, будучи по составу населения и европейцами, и азиатами, мы на деле имеем огромное преимущество перед европейскими странами и можем и должны его использовать. Поэтому наша внешняя политика должна быть ориентирована как на Запад, так и на Восток. Активное участие России в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) подтверждает это. Но поскольку Россия – страна крайностей, есть опасность, что ее может качнуть в сторону Востока в ущерб отношениям с Западом, и это ей ничего хорошего не сулит. Поэтому абсолютно прав В. Сурков, когда говорит, что мы не должны выпасть из Европы, без которой пока трудно мыслима модернизация нашей экономики.

Без Европы Россия не состоялась бы как великая держава. Начиная с реформ Петра Великого и вплоть до Первой мировой войны в России развитие промышленности, науки и многого другого шло при активном сотрудничестве со странами Запада. Противостояние Восток–Запад – явление послевоенного периода. Между самими западными странами было гораздо больше войн, чем между ними и Россией. Изоляция от Европы означала бы для нас дальнейшую научно-техническую деградацию и большой риск оказаться в роли младшего партнера, восточной сверхдержавы.

Второе. В архетипе ли, генетическом коде, национальной ментальности или политической культуре действительно заложены опасные черты для нас самих. В револю-

ции у нас вожаками становятся крайние радикалы, готовые камнями на камне не оставить от предыдущего бытия страны. А если это еще и носители тоталитарной идеологии, как большевики, то, придя к власти, они непременно уничтожают не только своих противников инакомыслящих, но и союзников.

После революции революционеры перерождаются в реакционеров, которые быстро забывают об обещаниях бороться за свободу и демократию, за народное благо и начинают "грести под себя" и "своих". И в этом им помогает, увы, сам народ, который, по историческим меркам, совсем недавно вышел из шинели крепостничества. Да и не знавшее крепостного права крестьянство везде, за отдельными исключениями, является носителем утопического сознания и монархических настроений.

Немалая часть творческой интеллигенции, причем самая социально активная, давно изменила интересам служения народу и прислуживает сильным мира сего. Ее мало волнуют достоинство и порядочность, ради личных благ она угождает и лакействует. На ее совести создание феномена культа личности. Напомню, что вполне интеллигентные люди призывали Ельцина не к поиску компромисса со сторонниками Верховного Совета РСФСР, а подталкивали его к применению силы. Они же и составляли текст новой Конституции, дающей возможность президенту установить режим личной власти.

Итак, революции такой стране, как Россия, противопоказаны. Лучшим способом исторически прогрессивных изменений являются эволюция и реформа. Как справедливо говорил Бердяев, "революции, происходящие на поверхности жизни, ничего существенного никогда не меняют и не открывают, они лишь обнаруживают болезни, таившиеся внутри народного организма, по-новому переставляют все те же элементы и являют старые образцы в новых одеяниях... Новые души рождаются позже..." [Бердяев, 1990^а, с. 55–56].

Но и реформа таит в себе опасности. В условиях России она редко доводится до конца: либо сворачивается самой властью, либо срывается все в ту же революцию. Знал бы Горбачев, что из начатых им реформ вырастут радикалы, которые будут бороться не с консерваторами в рядах КПСС, а с реформаторами и им самим, и в конечном итоге не оставят ему ни объекта для реформ, ни президентского кресла, он наверняка действовал бы по-другому.

Третье. Ни революция, ни контрреволюция – они случаются все-таки редко – не наносят столько вреда, как наши дурные наклонности. Это склонность к безрассудным поступкам, безалаберность, безответственность, нерадивость, зависть, неуважение друг к другу, нередко наплевательское отношение к своим обязанностям и даже к собственной судьбе, стремление свалить вину за собственные неудачи на кого-то другого. То на "проклятый царизм", то на коммунистический режим, то на "разрушительные 90-е годы", то на Запад. Да и на власть тоже. В подтверждение сказанного обращусь и к классике, и к современнику.

"Слишком многие привыкли у нас относить на счет самодержавия, – писал Бердяев, – все зло и тьму нашей жизни хотели им объяснить. Но этим только сбрасывали с себя русские люди бремя ответственности и приучили себя к безответственности. Нет уже самодержавия, а русская тьма и русское зло остались. Тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре. Нет уже старого самодержавия, а самовластье по-прежнему царит на Руси, по-прежнему нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам... взятка по-прежнему является устоем русской жизни, ее основной конституцией... Революционный Хлестаков является в новом костюме и иначе себя именует. Не будем обманываться внешнестью... В основе лежит старая русская ложь и обман, давно увиденные Гоголем" [Бердяев, 1990^а, с. 60–61].

Толстая ссылается на так называемую удаль, идущую, очевидно, из того же архетипа. Что, по ее мнению, есть «преступная необузданность и безответственность, которой он (народ. – А.К.) гордится. Она, например, заставляет человека пить что дают, или мчаться на машине с огромной скоростью, наплевав на жизни тех, кто попадет

под ее колеса. Эта удаль типа "и за борт ее бросает" – одно из самых отвратительных свойств русской нации. Все это – мое родное, и все это я люто ненавижу. Я, как плоть от плоти своего народа, отдаю себе отчет в том, что вся эта удаль кончается ничем. И в тяжелые моменты она не в помощь» [Голстая, 2007, с. 45].

На помощь себе должны прийти мы сами, трезво оценивая свои достоинства и недостатки, по возможности, избавляясь от последних и стараясь, как призывал нас в свое время А. Солженицын, жить не по лжи. Тем более прикрываясь патриотизмом и заботой о народе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бердяев Н. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990^а.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990^г.

Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990^б.

Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990^в.

Капица С. Наш храм науки почти сгорел // Московская среда. 2005. № 27.

Кива А. Сила государства – в мозгах власти // Московская правда. 2007. 27 июля.

Материалы заседания круглого стола Аналитического совета Фонда “Единство во имя России” 13 июля 2006 г. М., 2006.

Толстая Т. Будущее за углом. Оно наступит в любую секунду // Московские новости. 2007. № 25.

Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.

Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. В 2 т. Т. 1. М., 1991.